

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. РЫНОК. КАПИТАЛ. ОБЩЕСТВО^{1, 2}

А.В. БУЗГАЛИН,

доктор экономических наук, профессор,
визит-профессор Пекинского государственного университета,
г. Москва, Россия,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

А.И. КОЛГАНОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий лабораторией сравнительного анализа экономических систем
экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: onaglo@mail.ru

В статье раскрываются особенности выработки основ современной социально-экономической политики на базе политико-экономического подхода к анализу хозяйственных практик. Выделенные авторами направления использования потенциала политической экономии для поиска стратегии развития России могут быть применимы и для ряда других стран, учитывая то, что российская система является одним из типичных примеров экономики позднего капитализма полупериферийного типа и одним из важных игроков в группе стран БРИКС, отличаясь от других участников этого союза лишь рядом особенностей.

Авторы выводят необходимость системности социально-экономической политики из системы производственных отношений, ключевыми блоками которой являются – отношения координации (система аллокации ресурсов), отношения собственности, отношения воспроизводства и блок социальных параметров экономики. Особое внимание в данной статье уделено мерам экономической политики в области двух блоков системы производственных отношений – отношений координации, проявляемых в соотношении рыночных и плановых регуляторов, и отношений собственности.

В статье показано, что в области социально-экономической политики все кажущиеся узкопрофессиональными и даже техническими вопросы в конечном счете упираются в фундаментальные общественные проблемы. Аргументировано, что строгая «привязка» основных блоков социально-экономической политики к структуре системы производственных отношений позволит сделать экономическую политику более комплексной и эффективной. Акцентируется важность целостности и системности социально-экономической политики, поскольку несогласованность экономической, финансовой, соци-

¹ Настоящий текст представляет собой сокращенную версию доклада. Полная версия будет опубликована в журнале «Вопросы политической экономии» (№ 2, 2016).

² Авторы выражают благодарность О.В. Барашковой за помощь в работе над текстом.

альной и т. п. политики государства и фактически присутствующее в современной России доминирование краткосрочных мер финансовой политики сводит на нет все остальные усилия государства, даже если они были направлены на позитивные цели. Авторы также подчеркивают важность постановки вопроса о том, интересы какого экономического актора выражает та или иная экономическая политика, и предлагают свой вариант ответа на этот вопрос.

Ключевые слова: политическая экономия; государственная экономическая политика; стратегия развития России; взаимосвязь государственной социально-экономической политики и структуры системы производственных отношений; поздний капитализм; «Капитал» К. Маркса

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY. MARKET. STATE. SOCIETY

ALEXANDER V. BUZGALIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Visiting professor of Peking University,
Moscow, Russia,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

ANDREY I. KOLGANOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Chief of laboratory of the Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: onaglo@mail.ru

The article reveals the peculiarities of the foundations of social and economic policy on the basis of political and economic approach to the analysis of economic practices. Highlighted by the authors potential uses of political economy for Russia's development strategy may be applicable to other countries, given the fact that the Russian system is one of the typical examples of the semi-peripheral-type of late capitalism economy and one of the important players in the BRICS group of countries, unlike other members of this union have a number of peculiarities.

The authors deduce the need for systemic social and economic policy from the production relations system, key units of which are relations of coordination (the system of resource allocation), property relations, the relationship of reproduction and the block of the social parameters of the economy. Particular attention in the article is given to policy measures in the field of two blocks of production relations system - the relations of coordination, manifested in the ratio of market and planned regulation, and property relations.

The article shows that in the field of socio-economic policies all seem narrow professional and even technical issues ultimately rest on the fundamental social problems. Argued that a strict «binding» of the basic units of social and economic policy to the production relations system structure will make economic policy more comprehensive and effective. The importance of integrity and systemic social and economic policy is emphasized in the article, as the inconsistency of the economic, financial, social, and

so on state policy and Russia the dominance of short-term measures of financial policy actually presented in modern Russian economy negates all other efforts of the state, even if they were aimed at the positive objectives. The authors also stress the importance of the question of what economic actor's interests are expressed by one or the other economic policies, and provide their possible answer to this question.

Keywords: *political economy; government economic policy; strategy for the development of Russia; the relationship of government socio-economic policy and the structure of production relations system; late capitalism; «Capital» of K. Marx*

JEL classifications: *O20, P11*

Типичное для 1990–2000-х гг. почти полное игнорирование классической политической экономики и ее современных версий после мирового кризиса 2007–2010 гг. сменилось постепенным возрастанием внимания к этой науке вообще и ее потенциалу в решении проблем практики, в частности.

Теоретическому потенциалу нашей науки и, в первую очередь, потенциалу современных разработок, покоящихся на багаже классического марксизма, было посвящено немало наших работ (Бузгалин, Колганов, 2015а; 2015b; Бузгалин, 2015) и работ наших коллег (Мамедов, 2015; Пороховский, 2012; 2014; Рязанов, 2015), поэтому ниже мы остановимся на вопросах потенциала нашей науки в решении практических вопросов социально-экономической политики, взяв в качестве естественного для российских авторов примера проблемы поиска стратегии развития нашей страны. Этот дискурс будет важен еще и потому, что российская система является одним из типичных примеров экономики позднего капитализма полупериферийного типа и одним из важных игроков в группе стран БРИКС, отличаясь от других участников этого союза разве что более акцентированным влиянием на экономику олигархо-бюрократических группировок, меньшей, чем, скажем, в Китае или Бразилии, ролью легитимного государственного регулирования и большей ролью теневого воздействия государства на экономику (осуществляемого вне формально-юридически закрепленных институтов) и теневого рынка.

О специфических чертах российской экономики мы уже не раз писали (см., напр., серию статей: Бузгалин, Колганов, 2014а; 2014b; 2014с), поэтому перейдем сразу к сути дела, отмечая в ряде моментов специфические для тех или иных стран особенности выработки основ социально-экономической политики на базе политико-экономического подхода к анализу хозяйственных практик.

1. Система производственных отношений и системность социально-экономической политики: вступительные ремарки

Хорошо известно, что непосредственным предметом классической политической экономики являются исторически-конкретные системы производственных отношений, рассматриваемые в их единстве с производительными силами. В частности, предметом исследования венчающего работы классиков труда Карла Маркса «Капитал» является, как К. Маркс сам об этом писал, «капиталистический способ производства»³. Структура этого способа производства, если мы следуем логике «Капитала», включает анализ товара и денег, отношений труда и капитала, воспроизводства, распределения (заработная плата, прибыль и т. п.), обмена и т. д. Генерализуя и переводя на более близкий к современности язык, мы можем сказать, что в качестве **ключевых блоков**

³ «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» (Маркс, 1960. С. 6).

всякой конкретно-исторической системы производственных отношений могут быть выделены:

- способ аллокации ресурсов (в частности, отношения рынка и его регулирования) – блок отношений координации;
- отношения собственника и работника и производные от них отношения, формы, права собственности – блок отношений собственности;
- отношения воспроизводства;
- отношения распределения дохода и производные от них (и отношений собственности) феномены неравенства, бедности и т. п. – блок социальных параметров экономики.

Приняв во внимание, что система производственных отношений покоится на определенных производительных силах и проявляется в соответствующих системах социально-классовых отношений и институтов, мы должны будем дополнить наш анализ связи производственных отношений и экономической политики названными выше блоками проблем⁴.

Сказанное позволяет нам сформулировать важное положение, предваряющее наши содержательные соображения и постулируемое здесь как аксиома: **социально-экономическая политика всякого государства должна быть системной, т. е. отражать всю совокупность производственных отношений в их взаимосвязи с материально-техническим базисом и социально-классовыми отношениями, институтами и т. д.** Иными словами, *государство должно, во-первых, устанавливать четкие стабильные и взаимосогласованные во всех своих блоках, юридически зафиксированные и для всех обязательные «правила игры» для всех перечисленных выше сфер и, во-вторых, не менее четко и на определенную перспективу определять, какое регулирование, как и в какой мере оно будет (или не будет) проводить в каждой из названных выше сфер.* Эти регулирующие меры также должны быть едины, взаимосогласованы (между собой и с «правилами игры») и стабильны. Совокупность этих действий государства мы и будем рассматривать далее как основные блоки социально-экономической политики и, вместе с тем, основные функции государства.

Поскольку речь далее идет о системе сознательных действий государства на определенную перспективу, то *исходным пунктом социально-экономической политики становится определение некоторой четкой цели, достижению которой будут подчинены все социально-экономические подсистемы государства.* Далее государство формирует систему задач, решение которых в рамках каждой из подсистем позволит обеспечить достижение данной цели, а также набор средств и ресурсов для реализации этих задач. Сама формулировка такой цели – вопрос экономической политики. Но объективное основание для выработки целевых установок лежит в общем состоянии системы воспроизводства (как с точки зрения материально-технической, так и с точки зрения воспроизводства всей системы производственных отношений).

Именно поэтому основные социально-экономические подсистемы (задач, средств и ресурсов их реализации) с точки зрения политической экономии определяются структурой системы производственных отношений, основные блоки которой мы назвали выше, а единая цель социально-экономической политики – системным качеством (задающим целостность, вектор и потенциал развития) национальной экономики.

Назовем этот тезис-гипотезу **аксиомой системности социально-экономической политики** (авторы в полной мере отдают себе отчет в том, что это на самом деле не более чем недоказанная теорема, но поскольку доказательство этого положения в данном тексте мы опустим, постольку мы в качестве гипотезы примем его за аксиому).

Все эти теоретические абстракции, как ни странно, имеют очень большое практическое значение. Авторы этого текста берутся утверждать, что в РФ последних лет от-

⁴ Подробнее см. наш двухтомник «Глобальный капитал» (Бузгалин, Колганов, 2015а; 2015б).

существует единая, принятая на основе учета мнения большинства граждан, четко выраженная и стабильно, последовательно реализуемая единая цель развития, равно как и система задач и средств их решения. «Реальная политика» в нашей стране строится как равнодействующая борьбы за ресурсы основных кланово-корпоративных группировок, подправляемая «ручным управлением» ряда федеральных и региональных органов власти в соответствии с меняющейся внешней и внутренней обстановкой.

Между тем, предложенная выше постановка проблемы сама по себе является теоретически инвариантной: с ней согласятся и правые, и левые; и сторонники минимально регулируемого рынка и максимально развитой частной собственности, и государственники. И те и другие в принципе согласны с тем, что у государства должна быть четкая и последовательная социально-экономическая политика с ясно определенной и поддерживаемой большинством граждан единой целью и системой средств ее реализации. Будем считать это положение – столь же банальное, сколь и важное, – **аксиомой единства цели социально-экономической политики.**

Дополним эту аксиому формулировкой критерия прогресса общества и экономики как его подсистемы⁵. В рамках классической политико-экономической парадигмы (точнее, ее марксистской версии) считается доказанным, что таким критерием является свободное всестороннее развитие человека в ассоциации и посредством нее, или, иначе, мера снятия отношений социального отчуждения, *мера разотчуждения*⁶.

Рассмотрим далее основные блоки задач социально-экономической политики, выделяя их в соответствии с названными выше принципами структурирования экономической системы. При этом в данной статье мы сделаем акцент на двух ключевых вопросах регулирования взаимодействий капитала и общества в рамках экономической политики: во-первых, на особенностях сочетания рыночных и плановых регуляторов и, во-вторых, на вариантах решения проблем собственности в рамках экономической политики. При этом отчасти мы затронем и отношения воспроизводства, но подробно описанию этого аспекта проблемы проведения экономической политики посвящены другие наши тексты, развивающие положения данной статьи⁷.

2. Соотношение рыночных и плановых регуляторов

Трудно найти другой вопрос социально-экономической политики, который бы дискутировался на протяжении вот уже столетия столь активно, сколь проблема меры государственного регулирования и ограничения рынка. Политико-экономический подход сам по себе не даст простого и однозначного ответа на этот вопрос, но позволит сформулировать ряд принципиальных направлений поиска такого ответа.

Начнем прежде всего с того, что политическая экономия позволяет дать достаточно определенный ответ на вопрос «Что есть рынок?». Там, где есть противоречивое единство частного труда обособленных производителей и общественного разделения труда, труд этих производителей будет создавать товар, а отношения его обмена будут иметь форму рынка. Соответственно, общественное регулирование будет в большей или меньшей мере отрицанием (подрывом) обособленности частных производителей, ведущим к ограничению товарных отношений и их замещению *пострыночными*; лю-

⁵ Одной из самых разработанных (а в России – самой разработанной) теоретической версией системного подхода в экономике является концепция системной экономики Г.Б. Клейнера (*Клейнер, 2013; 2015; 2016*).

⁶ «Разотчуждение – это вид деятельности, связанный со снятием той или иной формы отчуждения, который фиксируется не просто в виде вещи (готового результата), а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью (готовым результатом), а с другой – несет в себе развернутую логику ее сотворения. ... понятие разотчуждения предполагает не только его результат – новое общественное отношение, но взятый в единстве с самим процессом его сотворения» (*Булавка, 2013. С. 125*).

Подробнее о разотчуждении как критерии прогресса см. (*Бузгалин, Колганов, 2015а. С. 517–529; Булавка-Бузгалина, 2015*). Проблеме преодоления социального отчуждения посвящены работы (*Мусто, 2013; Ollman, 1976*).

⁷ См., напр., уже упоминаемый выше полный вариант настоящего текста, который будет опубликован в журнале «Вопросы политической экономии» (№ 2, 2016).

бое свертывание общественного разделения труда также будет вести к подрыву рынка, но в рамках противоположного регулированию тренда, а именно – натурализации хозяйства, т. е. инволюции к *дорыночным* отношениям.

Таково предельно абстрактное, но «работающее» определение отношений товарного производства («рынка»), с которым (подчас даже не осознавая этого) согласны практически все праволиберальные экономисты, защищающие именно и прежде всего неприкосновенность частной собственности и углубление разделения труда (в частности, в рамках неолиберальной модели глобализации)⁸. Отсюда, в частности, и известный политико-экономический тезис о том, что мера субституции рыночного саморегулирования общественным регулированием определяется главным образом мерой реального (лежащего в сфере производительных сил, а не только производственных отношений) обобществления. И действительно, в общем и целом практики большей части экономик XX – начала XXI вв. показывают, что если где и наблюдается значительное ограничение механизмов рыночного саморегулирования, то это в таких высокосоциализированных сферах общественного производства, как наука, образование, здравоохранение, энергетика, инфраструктура, экология, долгосрочные масштабные высокотехнологичные проекты.

Точно так же политэкономия (во всяком случае, ее марксистская версия) позволяет дать четкий ответ на вопрос «Что есть государство как актор экономики?», и ответ этот будет отличен от того, что подразумевает *economies* и дает институционализм (как «классический», так и «новый»).

В политической экономии государство предстает как *исторически различный актор, специфический для разных экономических систем*, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д.

Приведем краткую характеристику целостной *модели экономических функций государства в развитой рыночной экономике*, выделив ключевые блоки, в основу систематизации которых положены обозначенные нами ранее основные параметры структуры экономической системы⁹.

Отношения координации предполагают наличие определенных функций государства по формированию пропорций в экономике, рамок и правил отношений обмена и трансфертов, нормативов (качества и др.) и правил ценообразования. По всем этим параметрам в современной рыночной экономике государство ведет определенную деятельность. Это:

1) программирование и селективное регулирование (его значимое слагаемое – промышленная политика); последнее может быть как прямым (государственный заказ, инвестиции, закупки, направленные, например, на развитие ВПК или фундаментальной науки, образования, медицины и т. п.), так и косвенным (налоговые или таможенные льготы, дешевые кредиты и т. п. средства структурной политики);

2) нормативы качества почти на все виды сельскохозяйственной продукции и основные продукты питания, нормативы безопасности и др.;

⁸ Парадокс при этом состоит в том, что, в отличие от цинично-откровенных неолибералов, сторонники развития государственного регулирования в рыночной экономике в большинстве своем это определение стыдливо замалчивают, предпочитая говорить о том, что государственное регулирование есть особый сегмент особого типа рыночной экономики.

⁹ Подробнее см. раздел «Социально-экономическая деятельность государства как одна из сфер генезиса пострыночных отношений» в нашей книге «Глобальный капитал» (Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 409–415).

3) государственное регулирование цен и правил ценообразования, являющееся обычным для многих видов цен и тарифов, причем не только на продукцию и услуги естественных монополий: в ряде стран Европы государственные органы регулируют цены на основные продукты питания и медикаменты, транспорт (даже такси) и др.;

4) определение правил и механизмов взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне – от правил торговли до антимонопольного законодательства (это один из подвидов более многообразной функции регулирования институтов)...

Отношения присвоения и весь комплекс оформляющих современную экономику **отношений собственности** предполагают необходимость политико-экономического исследования, во-первых, всеобщей собственности или собственности каждого на все (феномена «общественных благ»). Чем более прогрессирует экономика, основанная на знаниях, тем более острыми становятся проблемы борьбы между двумя способами создания, распространения и использования информации и знаний – как благ частных или общественных. Это борьба рыночных и пострыночных начал, и мера их соотношения может и должна регулироваться обществом и государством.

Во-вторых, это проблема политэкономического исследования государственной собственности. О ней как особой сфере экономических отношений, а не просто провале рынка, есоnomics как таковой предпочитает не распространяться, оставляя это для «экономики государственного сектора», которая пытается и здесь в основном прилагать все те же методологию и аппарат есоnomics, невольно впадая в грех редукционизма. Между тем, *за формой государственной собственности скрывается область новых экономических отношений, возникающая там и тогда, где и когда государство действует не как особый «сверх-капитал» или «всеобщий частный собственник» (К. Маркс), а как действительный представитель общенациональных интересов.*

Отсюда вытекает и исследование, в-третьих, функций государства по охране прав собственности (это преимущественное поле нового институционализма, и это в основном «рыночные» функции государства), а также проблем включения государства в регулирование распределения прав собственности, в том числе в связи с проблемами распределения экономических правомочий в отношениях между государством и фирмой. Эта сфера принципиально важна, так как в современных развитых экономиках *государство существенно ограничивает права частного собственника в области распоряжения и использования его собственного имущества¹⁰* – этот факт отображается в специальных исследованиях, но теоретически редко оценивается.

В-четвертых, требует особого политэкономического взгляда сфера регулирования деятельности по использованию такого государственного имущества как земля, недра, природные заказники, культурные ценности и т. п. блага, значительная часть которых находится в государственной собственности разных уровней.

В-пятых, государство осуществляет дифференцированную поддержку ряда форм собственности. Широко известна, в частности, практика поддержки малого бизнеса (как известно, *в условиях нынешней конкуренции этот тип собственности не может выжить без поддержки государства*). Менее известно то, что в США и Западной Европе государство осуществляет *содействие демократизации отношений собственности* (например, планы передачи акций предприятий в собственность работников – ESOP, широко распространенные в США и ЕС).

Блок **социальных параметров экономики** выявит огромный пласт отношений по сознательному регулированию:

¹⁰ Укажем на примечательный факт: в Западной Европе за символическую цену (вплоть до 1 евро) продается немало... старинных замков. И желающих их купить очень немного, так как вместе с этим имуществом новый собственник приобретает обязательство реставрации и последующего предоставления в общественное пользование (экскурсии для туристов по части замка, имеющей историко-культурное значение и т. п.) этого объекта. Точно так же, приобретая лес, вы приобретаете обязательство его охраны и воспроизводства при запрете вырубki (за исключением санитарной), приобретая пахотные угодья, вы приобретаете обязательство использовать их для сельскохозяйственного производства и т. п.

1) трудовых отношений, отношений труда и капитала (от продолжительности и охраны труда до психологического климата в отношениях руководителей и подчиненных – масса различных социальных норм), труда, капитала и государства (трехсторонние коллективные договоры); важным компонентом этих отношений является участие работников в управлении предприятиями (производственные советы и др.);

2) занятости (не только пособия по безработице, но структурная политика и стимулирование занятости в современных секторах, общественные работы, переквалификация);

3) опосредуемые государством пострыночные механизмы распределения, такие как бесплатное общедоступное распределение многих благ (например, бесплатное среднее, а во многих странах – ФРГ и др. – по преимуществу и высшее образование);

4) многообразные социальные трансферты, включая социально-гарантируемый минимум и минимум заработной платы, поддержку лиц с ограниченными физическими возможностями и др.;

5) перераспределение доходов, в том числе при помощи прогрессивного налогообложения и других форм ограничения сверхвысоких доходов и т. п.

Еще более многообразны функции государства в области **регулирования отношений воспроизводства и функционирования экономики**. В частности, именно здесь «располагается» весь объем функций государства по регулированию макроэкономической динамики (роста и т. п.), финансово-кредитной системы и др. Мы не будем здесь уходить в детали – это не предмет данного текста, – но обратим внимание на то, что главным в этом блоке с политэкономической точки зрения должно быть *программирование и регулирование (1) качества (2) развития*, тогда как рыночно-центричный есопоmіс на первый план в этом блоке выносит вопросы финансовой сбалансированности и количественного роста.

Многие из названных выше механизмов (но не все и не в системе), конечно же, хорошо известны и раскрыты в есопоmіс (при том, что любому экономисту-практику они хорошо известны *все*; есопоmіс же о части из них «забывает», ибо они не вписываются в его теорию). Хотелось бы, однако, сделать в данном случае иной акцент: во всех этих случаях *за конкретными экономическими функциями государства скрывается новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*.

Сказанное о рынке и государстве позволяет нам сформулировать *теорему об экономической роли государства*: общественно-государственное регулирование развивается в той мере, в какой развита реальная социализация общественного производства и в какой субъект социально-экономической политики ставит перед собой цели приоритетной реализации общенародных интересов. По поводу последних хотелось бы сделать маленькое замечание: даже в условиях позднего капитализма их круг весьма широк и проявляют себя они в самых различных формах – от надписей на пачке сигарет «курение опасно для жизни» и ограничений рабочего дня 8 часами до составляющих значительную часть ВВП большинства стран мира расходов на производство и/или приобретение общественных благ.

И еще две политико-экономических ремарки в этой связи.

Первая: государственное воздействие на экономику может быть формой проявления разных по своему содержанию производственных отношений. В частности, в пост-«социалистических» экономиках (и, особенно, в России) оно во многих случаях является не столько проявлением пострыночного отношения сознательного воздействия на экономику с целью реализации общенародных интересов, сколько «ручным управлением», т. е. формой позднефеодальной вассальной зависимости сеньора от государя.

Вторая: сознательное регулирование, подрывающее обособленность производителей (один из атрибутов товарного отношения, «рыночной экономики»), в современной

экономике осуществляется не только государством, но и (1) гражданским обществом (органы местного самоуправления, профсоюзы, экологические и потребительские союзы и т. д.) и (2) крупнейшими корпорациями, способными в определенной мере регулировать параметры рынка.

Последний пункт особенно важно учитывать при формировании и проведении экономической политики, и потому остановимся на нем подробнее. Регулирующее воздействие корпораций на рынок с иными акцентами и под иным именем («рыночная власть»¹¹, «переговорная сила»¹²) не могут не признать и представители неоклассики, а также нового институционализма. Однако современная классическая политическая экономия еще в начале XX в. дала содержательную теоретическую квалификацию этого явления, названного «подрывом свободной конкуренции» монополией (В.И. Ленин)¹³ или, в середине того же столетия, «неполной планомерностью»¹⁴. Суть этого феномена состоит в том, что крупный корпоративный капитал, опирающийся на высокообобществленные производственные комплексы (специфика позднеиндустриальных сфер экономики) и/или международные производственные сети (специфика постиндустриальных сфер), финансовый и информационный контроль и т. д., становится способен оказывать локальное регулирующее (по сути дела – манипулятивное) воздействие на потребителей и субконтракторов¹⁵. Как следствие этого складываются отношения не свободной или даже олигополистической кон-

¹¹ Количественным отображением рыночной власти (т. е. способности фирмы влиять на рыночные цены) выступают Лернеровский индекс монопольной власти, индекс Херфиндала-Хиршмана. Предполагается, что феномен рыночной власти возникает там, где происходит отступление от свободной конкуренции (каковая, вообще-то говоря, давно превратилась в исключение, а не правило). Существуют и специальные исследования по проблеме рыночной власти. См., например (Тироль, 2000).

¹² Практика позднего капитализма заставила более пристально взглянуть на проблему власти и неоклассику, хотя традиционно одной из центральных проблема власти является для марксизма. Пожалуй, наиболее активно эти проблемы рассматриваются в рамках нового институционализма, продолжающего во многих отношениях методологическую линию именно неоклассики. Новый институционализм выделил такой параметр взаимоотношений рыночных агентов, как «переговорная сила». Но в рамках данной школы этот феномен представлен как бы нейтральным: позитивно фиксируется наличие возможностей использования некоей «силы» в переговорах о параметрах сделки. Сами эти возможности расписаны достаточно подробно (что следует признать явной заслугой этого направления), хотя и на уровне видимости (на языке нового институционализма эти параметры могут быть интерпретированы следующим образом: неравенство в распределении (степени монополизации) собственности на определенный вид ресурсов; асимметричный характер распределения специфических ресурсов; асимметрия в распределении информации между сторонами обмена или отношений «принципал-агент»; различная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников получения ресурса или блага и др.). Впрочем, теоретики этого направления видят в этом скорее достоинство, ибо именно такой анализ позволяет предпринимателям использовать теоретические выводы для выработки и принятия решений, что и является критерием успешности позитивной экономической теории.

Но заметим, что возможность дать совет о том, что и как можно использовать для усиления позиций своей фирмы на переговорах об очередной рыночной сделке, это не то же самое, что сказать: закономерностью рыночных трансакций, начиная с XX в., является устойчивая асимметрия «переговорной силы» во взаимодействии крупных корпораций и других агентов экономики, причиной этой асимметрии является то-то, следствиями – то-то... Впрочем, у некоторых представителей институционализма, выросших на диалогах с марксизмом, можно найти и нечто похожее на сформулированный выше тезис. См., например (Олейник, 2011).

¹³ «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход капитализма к более высокому строю» (Ленин, 1969. С. 385-387).

¹⁴ Идея переходных производственных отношений, развивающихся в рамках капитализма («неполной планомерности») была высказана и развита представителями университетской («цаголовской») школы политэкономии еще в 1960-1970-х гг. (см.: Цаголов, 1973. С. 26–27, 699, 738–740; Куликов, 1972; 1978; 1984). Точка зрения авторов была высказана в книгах (Бузгалин и др., 1985; Бузгалин и др. (ред.), 2011).

¹⁵ Раскрытию механизмов нерыночного воздействия крупных корпоративных структур на внешние для них экономические параметры (включая манипулирование потребностями и потребителями, частичное регулирующее воздействие на цены и др.) посвящена, напр., книга (Кляйн, 2003).

куренции, а «кооперативного капитализма»¹⁶, суть которых – внеконкурентный раздел не просто рынка, но сфер влияния между несколькими (до десятка–полутора) крупнейшими корпорациями, оказывающими сходное (и часто согласованное) сознательное воздействие на остальные сферы экономики¹⁷.

Экономическая политика, естественно, не должна оставлять в стороне эту совокупность отношений и соответствующим образом строить свое регулирование экономики, где на смену традиционной антимонопольной политике должно прийти системное регулирование деятельности корпораций. Различие между этими двумя феноменами значительное. Первое – нацеленное на восстановление свободной конкуренции, ограничение деятельности фирм, монополизирующих определенную (25–30%) часть рынка и контроль за недопущением монопольного ценообразования. Второе – регулирование деятельности крупного бизнеса с целями хотя бы частичного подчинения его активности (во всех сферах: от производства до финансов и рекламы) общенародным интересам¹⁸ и включения в реализацию государственных программ (например, в форме государственно-частного партнерства).

Авторы немало писали об этом ранее, поэтому продолжим наш анализ взаимосвязей политической экономии и экономической политики, обратившись к проблеме, которую пишущие на эти темы ученые затрагивают гораздо реже, нежели проблемы регулирования рынка, хотя она заслуживает самого пристального внимания – это проблема регулирования отношений собственности.

3. Политика в сфере отношений собственности

«Стандартная» неоклассическая экономическая теория отношения собственности если не игнорирует, то рассматривает как не более чем один из частных вопросов и преимущественно в связи с взаимодействием принципалов и агентов (см., напр.: *Samuelson and Nordhaus, 1985; 2001*). Новая институциональная теория в этом отношении идет гораздо дальше и предлагает теорию прав собственности как один из центральных вопросов всей этой школы. Классическая политическая экономия и, в первую очередь, классический и современный марксизм, отношения собственности рассматривает как следствие базового взаимодействия основных экономических акторов любой экономической системы – работника и собственника ресурсов, между которыми складываются специфические отношения отчуждения–присвоения общественного богатства, определяющие содержание процесса производства и распре-

¹⁶ М. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т. п. (*Greider, 1997. P. 171*). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации ТНК, то тенденция контрактного взаимодействия, думается, отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции. Характерна в этом отношении и работа Ф. Фукуямы «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (*Fukuyama, 1995. P. 269–307*). Заметим: этот известный автор в данном случае всего лишь вновь «открыл» феномен «доверия», на котором делали акцент практически все либералы с XVII–XIX вв.

Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатной капитализм» (*stony capitalism*). Эта проблема обсуждается как в серьезных экономических исследованиях, так и в публицистике. См., например (*Wei, 2001; Singh, Zammit, 2006; Stiglitz, 2002; Kristof, 2011*). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба», – то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом», – все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства».

Подробнее об особенностях кооперации и борьбы корпоративных сетей см. (*Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 161–174*).

¹⁷ Природа современной корпорации с позиций классической политической экономии раскрывается также в работе О.Ю. Мамедова и О.В. Брижак (*Мамедов, Брижак, 2013*).

¹⁸ Примеры такого регулирования хорошо известны: от стимулирования высокотехнологичного, эко-социо-гуманитарно-ориентированного производства до ограничения посреднической деятельности, вывоза капитала в офшоры, рекламы вредных изделий и т. п.

ления, базовую социально-классовую структуру общества и т. д., вплоть до политики и идеологии.

При такой – политико-экономической – постановке вопроса система прав собственности может и должна рассматриваться как многообразие проявлений базового, сущностного отношения присвоения-отчуждения, возникающего между основными классами всякого общества.

Продолжим. В отличие от классической политической экономии XIX в., современные продолжатели дела Маркса исходят из того, что для отношений позднего капитализма начала XXI в.¹⁹ характерны (1) диффузия частнокапиталистического присвоения-отчуждения и формирование сложной системы акторов, представляющих, с одной стороны, капитал, а с другой – наемных работников, а также (2) развитие элементов посткапиталистических отношений присвоения и характерных для них переходных форм собственности (начиная от известных еще Марксу акционерной, коллективной и государственной, до типичной для викиномики (*wikinomics*) собственности каждого на все²⁰).

Эта сложная система отношений собственности и еще более сложная система ее форм и прав ставят массу практических вопросов перед субъектом экономической политики.

Первый вопрос: Может ли субъект экономической политики ограничиться в этой сфере исключительно спецификацией и защитой прав собственности, или он должен решать более широкий круг задач? Ответ сторонников неолиберальной модели экономполитики будет тяготеть к первому решению, социал-демократической – ко второму. В последнем случае сферой общественного регулирования станут вопросы меры развития разных отношений (подчеркнем, отношений, не форм) присвоения.

Выделим ниже важнейшие из них, систематизировав по простейшему критерию – мере социализации:

- всеобщее («собственность каждого на все»), характерное, в частности, для открытых информационных источников (режим *open source*, *copy left*, *wikinomics* и т. п.²¹);
- общественное равнодоступное («образование для всех», «медицина для всех», «культура для всех» и др.);
- государственное (во всем многообразии его подвидов);
- коллективное (во всем многообразии его подвидов);
- смешанные формы (ГЧП, акционерные общества с собственностью работников и др.);
- частное (во всем многообразии его подвидов).

Еще раз подчеркнем: мера развития этих отношений, их содержание²² и динамика²³ должны быть предметом общественного обсуждения и открытого, большинством

¹⁹ Категория «поздний капитализм» широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы) для характеристики специфических черт капитализма, возникших в XX в. Продолжая традиции Э. Мандела и близких к нему ученых (см.: *Mandel, 1975; Jameson, 1991*), мы определяем поздний капитализм как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использовать элементы посткапиталистических отношений (сознательное регулирование экономики, бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др., перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.) (подробнее см.: *Бузгалин, Колганов, 2015а*).

²⁰ Подробнее о практиках викиномики см. (*Танскотт, Вильямс, 2009*). Ссылки на работы, посвященные исследованию отношений «собственности каждого на все» будут даны далее по тексту статьи.

²¹ В дополнение к уже упомянутым работам о викиномике см. также работу, посвященную *open source* (*Feller et al., 2007*).

²² Хорошо известно, что, например, в России некоторые государственные по форме предприятия реально контролируются теми или иными частными кланами, а иные частные фирмы находятся под полным контролем тех или иных государственных органов. Не менее важна и проблема: чьи интересы и в какой мере реализуют топ-менеджеры тех или иных госпредприятий: государства или своего клана.

²³ В очень значимой серии работ В.В. Букреева и Э.Н. Рудыка по проблемам приватизации и национализации показано, как и почему определенные механизмы национализации (например, при выплате завышенной стоимости,

граждан эксплицитно поддерживаемого решения демократических государственных институтов.

Второй вопрос прямо связан с тем, что именно отношения присвоения-отчуждения определяют основные параметры труда и положения человека труда на производстве.

Взгляд на это отношение неоклассической экономической теории и нынешней практики экономполитиков, «впитавших» этот взгляд как якобы «естественный» и потому единственно возможный, хорошо известен: на производстве взаимодействуют работодатель и работник.

Взгляд марксистской политической экономии на это отношение совершенно иной. В случае наиболее типичных для капитализма трудовых отношений на частном предприятии взаимодействуют частный собственник средств производства (постоянного капитала) и собственник рабочей силы.

По форме это – два формально *равноправных* агента рыночного контракта, один из которых (рабочий) продает в долг с беспроцентной рассрочкой платежа (выплата происходит, как правило, через месяц после покупки) другому (собственнику капитала) свой товар (рабочую силу).

Уже само по себе указание на эту форму и уточнение «имен» контрагентов сильно изменяет этическую коннотацию и теоретический дискурс. Более того, это «уточнение» несет в себе мощный политико-экономический заряд: в отношении на капиталистическом рынке вступают не «работодатель», т. е. как бы благодетель, дарующий рабочее место, а собственник капитала; не работник, т. е. тот, кто как бы не может выжить без своего благодетеля-работодателя, а собственник *главной производительной силы всякого общества* – без рабочей силы.

Более того, как хорошо известно, заработная плата почти всегда выплачивается (если вообще выплачивается) через 2–4 недели после заключения рыночной сделки между этими двумя рыночными акторами. Следовательно, если оставаться на уровне формы этого отношения, то в нем работник выступает как кредитор, а капиталист как должник. В этом случае типичная для РФ ситуация *невыплаты заработной платы* должна рассматриваться как невыплата долга кредитору. Как известно, в этом случае к должнику (собственнику капитала) должны применяться жесткие меры как к нарушителю рыночной сделки, например, такие же меры, как к лицу, не платящему долг по ипотеке: сначала – увеличение процента (который, кстати, капиталист работнику вообще не платит); потом, в случае невыплаты долга и процентов по долгу в течение оговоренного срока, – изъятие в пользу кредитора (работника) имущества должника (собственника капитала). Не правда ли, это несколько иной «дискурс», нежели типичная для нынешней ситуации в нашей стране логика: «Жадный и эгоистичный работник не хочет понять, что для спасения фирмы в трудных условиях необходимо немножко подождать...». На рынке должна действовать другая логика: взял в долг – плати, и с процентами. Продавай виллы и самолеты, машины и яхты, костюмы и украшения жены, нанимайся дворником или уборщицей – но долги рабочему заплати. Иначе тебя сначала «поставят на счетчик» (увеличат процент по ссуде), а потом... – суд и «долговая яма»²⁴.

Подчеркнем: пока что мы смотрели только на форму отношения между собственниками двух товаров – рабочей силы (в случае творческого труда – «человеческого

деньгами и одномоментно) могут быть выгодны частному бизнесу и невыгодны государству, и наоборот. См., в частности (Букреев, Рудык, 2005; 2008; 2015; Рудык, 2013).

²⁴ На известное возражение собственника капитала – если я разорюсь, вы (работники) окажетесь на улице, – в развитой капиталистической системе следует хорошо известное из практики возражение: а наши товарищи по классу начнут забастовку и иные действия, обеспечат победу нашей социал-демократической партии, которая увеличит подоходный налог на миллионеров до 75%, создаст на эти деньги систему новых рабочих мест и решит наши проблемы за ваш счет. В России таких профсоюзов и партий нет, поэтому капитал может безнаказанно нарушать законы рынка, в том числе этические (напомним, одна из основных нравственных норм бизнесмена – соблюдение контракта и возврат долга. Обещал платить зарплату – плати. Умри, но слова не нарушай).

капитала») и постоянного капитала. Если же посмотреть на содержание этого отношения, то здесь сразу же возникнет принципиальный теоретический и практический вопрос: что есть прибыль собственника капитала (подчеркнем – прибыль собственника, а не нормальная, т. е. не более чем в 10–15 раз превосходящая зарплату рабочего, как в финских ТНК, зарплата топ-менеджера): продукт капитала и особых свойств его собственника (то ли инновационного дара, то ли готовности к риску) или продукт прибавочного, неоплаченного труда наемного работника? Неоклассическая экономическая теория и близкие к ней школы обосновывают правомерность первого ответа. Марксистская классическая политическая экономия и солидарные с ней в данном положении иные школы – второго.

Мы в этот спор углубляться не будем, но отметим его значимость с точки зрения обоснования одного из важнейших решений в области социально-экономической и, в частности, налоговой, политики. Мы имеем в виду меру прогрессии/регрессии подоходного налога.

Как известно, в разных странах ситуация здесь обстоит по-разному. Во Франции, как мы уже заметили, бедный не платит ничего, а богатый со второго миллиона евро годового дохода 75% отдает обществу. В России все наоборот: бедный платит 13%, а олигархи не выплачивают даже эти проценты, ибо с реинвестируемых средств налог не берется.

С точки зрения неоклассической теории французская модель есть абсолютно несправедливое отъятие части дохода, созданного капиталом, в пользу не имеющих к этому никакого отношения разнообразных бездельников (в данном случае мы используем известный неолиберальный тезис: «нет бедных, есть ленивые»), тогда как в России торжествует справедливое распределение дохода.

С точки зрения марксистской политической экономии ситуация прямо противоположная: во Франции наемным работникам возвращают пусть не всю, но часть созданной ими прибавочной стоимости, а в России торжествует несправедливое присвоение практически всего неоплаченного труда работников, что и приводит к неоправданной, вредной для экономики и социально опасной дифференциации, порождает нищету и т. д., и т. п. Система аргументов политэкономов, доказывающих не только несправедливость, но и экономическую неэффективность высокой социальной дифференциации и бедности значительных слоев населения хорошо известна, равно как и система контраргументов их оппонентов (см.: Бузгалин и др., 2014; Славин, Аитова, 2015).

Так политическая экономия вторгается в острейшие вопросы социальной жизни.

Обращение к этой сфере, как правило, выводится из вопросов экономической теории. Между тем, это именно и прежде всего политэкономический вопрос, ибо это вопрос:

- содержания труда (так, социальное государство может и должно считать одним из важнейших приоритетов своей экономической политики такое регулирование структуры и качества общественного производства, которое ведет к сокращению репродуктивного тяжелого труда);
- защиты труда от капитала (в частности, охрана труда, продолжительность рабочего времени и т. д.);
- меры отчуждения работников от производственного процесса и принятия социально-экономических решений (в частности, участие работников в управлении) и др.

С политико-экономической точки зрения это проблемы, связанные с формальным и реальным подчинением труда капиталу и хотя бы частичным ограничением такого подчинения, и как таковые они являются одними из основополагающих в сфере социально-экономической политики, центром которой, с точки зрения классической политической экономии, должен быть **человек труда**, его деятельность, его социаль-

но-экономические отношения, качество жизни и т. д., а не вопросы прибыли капитала и финансовой сбалансированности как макроэкономического условия ее получения. В этом прежде всего отличие *политической экономики труда*, ориентированной на интересы основных социальных слоев, создающих общественное богатство страны (работников сферы материального производства, образования, здравоохранения, культуры и т. д.) от *политической экономики капитала*, ориентированной на интересы собственников физических, финансовых и интеллектуальных ресурсов (последние, заметим, в большинстве случаев принадлежат корпорациям, а не творцам).

К вопросу об объективных социо-политико-экономических интересах основных акторов экономики и их отражении в экономической политике мы еще вернемся, а сейчас завершим наш короткий очерк, посвященный отражению отношений присвоения-отчуждения в экономполитике, указанием на несколько следствий тех сущностных характеристик, которые были даны выше.

Третий вопрос, который мы рассмотрим, – экономико-политические вопросы развития так называемого малого бизнеса и частной интеллектуальной собственности. Эти две сферы прекрасно проиллюстрируют, что означает взгляд на практику отношений собственности с точки зрения нашей науки.

Так, традиционный вопрос «где найти деньги для государственной поддержки **малого бизнеса**» переформатируется в вопрос «какой бизнес, для чего и как поддерживать». Характерное для политической экономики внимание к прогрессу производительных сил обуславливает выделение тех сфер малого бизнеса, где обеспечивается прогресс технологий и человеческих качеств (инженерные, научные, художественные, образовательные, экологические и т. п. предприятия, этноэкономика и др.) и тех, где консервируются ручной труд, низкая производительность и т. п. Естественно, что поддержка должна идти в первую очередь (или вообще исключительно) в первую сферу.

Внимание политэкономов к производственным отношениям позволяет зафиксировать качественно различные по содержанию виды «малого бизнеса». Это могут быть предприятия, основанные на труде собственника, обычные частнокапиталистические предприятия с относительно небольшим количеством наемных работников, кооперативы, творческие ассоциации (ВТК) и др. Государство может и должно решать, отдавать или нет предпочтение тем или иным видам малого бизнеса. Так, в РФ на практике для малых капиталистических предприятий с наемным трудом во многих случаях оказываются характерны крайне отсталые формы трудовых отношений: бесправность работников, отсутствие социальной защищенности и т. д.

Вопрос о том, как может осуществляться поддержка определенных видов малых предприятий, с политико-экономической точки зрения также приобретает новые краски. Один из путей – содействие государства добровольной сбытовой, сервисной, снабженческой *кооперации и другим формам ассоциирования малых предприятий*, чему есть немало позитивных примеров в самых разных странах – от Скандинавии до Латинской Америки.

Иным, нежели в неоклассике и основанной по факту на ее нормах экономполитике, оказывается и взгляд политэкономов на **интеллектуальную собственность**. Главный вопрос – как обеспечить наиболее эффективную спецификацию и защиту прав интеллектуальной собственности – сменяется системой других проблем.

Во-первых, политэкономы подчеркнут, что, как мы уже заметили, в большинстве случаев собственниками интеллектуальных продуктов выступают не их создатели – интеллектуалы и их коллективы, – а корпорации. Поэтому интеллектуальная частная собственность должна рассматриваться в большинстве случаев как механизм стимулирования не творческих работников, а корпоративного капитала.

Во-вторых, политэкономы (и в первую очередь, современный творческий марксизм) укажут на прогресс в современной экономике многообразных механизмов ре-

ализации императива «собственность каждого на все» (см.: *Межуев, 2009; Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 348, 351, 387, 751*). Это «режим» открытого доступа любого физического или юридического лица к любым ресурсам, имеющим имя (теорема Пифагора, опера Чайковского...), но не имеющим ни юридической, ни экономической фиксации и находящимся в собственности каждого. Имя создателя в пространстве и времени этих отношений охраняется исключительно этическими нормами (а они в сфере творчества весьма значимы: физик, заявивший, что он открыл закон Ома, автоматически окажется посмешищем всего интеллектуального сообщества). В форме этой всеобщей [не]собственности пребывает в настоящее время едва ли не большая часть самых ценных ресурсов человечества – знания в области фундаментальной науки, подлинной культуры, огромные массивы информации, находящейся в Интернете в открытом доступе, и т. п. вплоть до программного обеспечения Linux, на которое, по самым скромным оценкам, перешло 20 млн пользователей во всем мире (около 2,5% всех пользователей сети Internet)²⁵. Более того, в этом режиме могут работать и работают многие другие сферы. Один из типичных примеров – открытые образовательные программы²⁶. Другой пример – предложение Нобелевского лауреата Дж. Стиглица создать международный фонд, финансирующий разработки новых лекарственных препаратов и медицинских технологий (в частности, оплату труда интеллектуалов), информация о способе производства которых будет находиться в открытом доступе, а имя создателя увековечиваться благодарными пользователями (*Stiglitz, 2006a; 2006b*).

В-третьих, политэкономы ставят перед обществом и, в частности, субъектом экономической политики вопрос о мере распространения частной интеллектуальной собственности и собственности каждого на все, а также переходных (компромиссных) форм и прав собственности в данной экономической системе. И это совершенно другая постановка, нежели традиционно педалируемая задача максимально эффективной защиты частной интеллектуальной собственности.

И это лишь некоторые примеры политико-экономического взгляда на решение проблем собственности в рамках экономической политики государства.

В завершение нашего поневоле беглого, но претендующего на комплексность текста о взаимосвязи политической экономии и экономической политики, сделаем краткие выводы и предложим читателю небольшой постскрипtum.

* * *

Вывод номер один. Политико-экономический подход позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы экономической политики. В частности, показать, что это всегда социально-экономическая политика, что все кажущиеся узкопрофессиональными и даже техническими вопросы в этой сфере всегда в конечном счете упираются в фундаментальные общественные проблемы.

Отсюда **вывод номер два.** В основе социально-экономической политики лежит система производственных отношений и институтов, и потому (1) цель и система задач, которые должна решать социально-экономическая политика, а также система средств решения этих задач по факту всегда является проявлением этой системы, но далеко не всегда эксплицитно строится именно таким образом. Между тем (2) стро-

²⁵ Число пользователей Linux в мире приведено по данным компании Canonical на начало 2015 г. (см.: Canonical оценивает аудиторию Ubuntu в 20 млн пользователей. Электронный ресурс. URL: <https://www.opennet.ru/opennews/art.shtml?num=42069>). Доля пользователей Linux в общем числе пользователей Интернета приведена по данным сайта LinuxCounter (<https://www.linuxcounter.net/statistics>. Accessed at 30.01.2016). Цифры, предоставляемые другими источниками, могут различаться в зависимости от методики подсчета, но в любом случае очевидна популярность системы среди пользователей ПК и Internet-пользователей.

²⁶ В качестве примеров открытых образовательных программ можно назвать Coursera (www.coursera.org), Академия Хана (www.khanacademy.org), MIT OpenCourseWare (ocw.mit.edu/index.htm), среди русскоязычных ресурсов – Универсарий (universarium.org), Национальная платформа открытого образования (openedu.ru), Lingualeo (lingualeo.com/ru) и др.

гая «привязка» основных блоков социально-экономической политики к структуре системы производственных отношений позволила бы сделать последнюю гораздо более комплексной и эффективной. Отсюда (3) важность целостности и системности социально-экономической политики, ибо несогласованность экономической, финансовой, социальной и т. п. политики государства и фактически присутствующее в современной России доминирование краткосрочных мер финансовой политики сводит на нет все остальные усилия государства, даже если они были направлены на позитивные цели.

Вывод номер три. Для того, чтобы социально-экономическая политика была целостной системой целей и средств их достижения, она должна быть стабильной на протяжении хотя бы пяти лет. Соответственно, оптимальным в принятии определенной модели социально-экономической политики в рамках демократической модели позднего капитализма можно считать вариант, когда на предвыборной стадии каждая из основных политических сил предлагает свою целостную программу мер, в частности, в области социально-экономической политики, давая четкие и недвусмысленные ответы как минимум на поставленные выше вопросы и тем самым определяя реперные точки той модели производственных отношений и институтов, за формирование которой на протяжении последующих пяти лет данные политики берут на себя ответственность. В случае невыполнения взятых обязательств гражданское общество может инициировать референдум об отставке правительства и проведении новых выборов.

Подчеркнем: сказанное – не более чем абстракция социал-демократической модели позднего капитализма. Мы не только не считаем ее идеалом, но и прекрасно понимаем, что реально даже в странах с правящими левыми партиями она не осуществляется в полной мере. Однако мы считаем важным указать на ее относительную прогрессивность для России.

Наконец, и это **важнейший вывод** нашей статьи, реальная социально-экономическая политика в каждой стране является способом реализации базовых интересов правящего экономико-политического класса. И этот вывод, в силу его значимости, мы специально прокомментируем в постскриптуе.

P. S. Cui prodest: социально-экономическая политика и интересы основных акторов российской экономики

В качестве завершающего аккорда данного текста поставим типично политико-экономический (в данном случае это словосочетание обозначает не столько теоретический дискурс, сколько важность соединения политического и социально-экономического подходов к решению практических проблем) вопрос: **интересы какого экономического актора выражает та или иная экономическая политика?** Всех граждан страны как собственников некоторого общенационального достояния? Собственников капитала? Только крупного корпоративного капитала? Наемных работников в целом? Их особого слоя? Других социальных слоев? В определенной мере каждого из акторов?

Мы не собираемся в данном тексте обосновывать правомерность такой постановки вопроса и рассматривать варианты ответов. Наша задача в ином – указать на важность его постановки каждым ответственным экономполитиком и его теоретическим собратом – политэкономом.

Ну, а чтобы нас не заподозрили в увиливании от наиболее актуальных проблем, скажем: проводимая в настоящее время в РФ экономическая политика выражает, на наш взгляд (и этот ответ мы уже не раз обосновывали), преимущественно интересы олигархически-бюрократической страты – реального собственника ключевых ресурсов нашей экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А. (2015). Классическая политэкономия: путь в университеты // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 8–23.

Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Линке П. (ред.) (2011). Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. М.: ЛЕНАНД, 560 с.

Бузгалин А., Колганов А. (2014а). Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // *Проблемы теории и практики управления*, № 8, с. 8–19.

Бузгалин А., Колганов А. (2014б). Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // *Проблемы теории и практики управления*, № 9, с. 8–16.

Бузгалин А., Колганов А. (2014с). Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*, № 10, с. 8–17.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015а). Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). 3-е изд., испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 640 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015б). Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (Капитал re-loaded). 3-е изд., испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 912 с.

Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. (1985). Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 209 с.

Бузгалин А., Трауб-Мерц Р., Воейков М. (ред.) (2014). Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса. М.: Культурная революция, 406 с.

Букреев В., Рудык Э. (2005). Приватизация в России: былое и думы, или Кто виноват и что делать? // *Альтернативы*, № 2, с. 112–129.

Букреев В., Рудык Э. (2008). Есть ли будущее у государственной собственности (к XX-летию радикальной «перестройки») // *Альтернативы*, № 4, с. 67–91.

Букреев В., Рудык Э. (2015). Императив смены парадигмы трансформации форм и отношений собственности: возможны альтернативы // *Альтернативы*, № 2, с. 72–104.

Булавка Л.А. (2013). Советская культура как идеальное СССР // *Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР*. М.: ЛЕНАНД.

Булавка-Бузгалина Л.А. (2015). Советская культура: вектор разотчуждения (философский дискурс) // *Философия хозяйства*, № 4, с. 161–168.

Клейнер Г.Б. (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*, № 6, с. 4–28

Клейнер Г.Б. (2015). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 1 // *Вопросы экономики*, № 12, с. 107–123.

Клейнер Г.Б. (2016). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 2 // *Вопросы экономики*, № 1, с. 117–138.

Кляйн Н. (2003). No Logo: Люди против брендов. М.: Хорошая книга, 624 с.

Куликов В.В. (1972). О переходных формах в условиях капитализма // *Вестник МГУ. Сер. Экономика*, № 1.

Куликов В.В. (1978). Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 183 с.

Куликов В.В. (1984). Становление социализма и «обобществление производства на деле» (Препр. докл.) М.: ИЭ АН СССР.

Ленин В.И. (1969). Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.*, т. 27. М.: Издательство политической литературы.

Мамедов О.Ю. (2015). Десять классических принципов политико-экономического анализа // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 38–47.

- Мамедов О.Ю., Брижак О.В.* (2013). Современная корпорация в координатах классической политической экономии // *Terra Economicus*, т. 11, № 4/3, с. 5–9.
- Маркс К.* (1960). Капитал. Т. I. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 23. М.: Изд-во политической литературы.
- Межуев В.М.* (2009). Социализм – пространство культуры // *Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма*. М.: Культурная революция,
- Мусто М.* (2013). Еще раз о марксовской концепции отчуждения // *Альтернативы*, № 3, с. 37–61.
- Олейник А.* (2011). Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия, 440 с.
- Пороховский А.А.* (2012). Политическая экономия – основа и стержень экономической теории // *Экономист*, № 1, с. 61–73.
- Пороховский А.А.* (2014). Цивилизационное значение политической экономии // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика, № 4, с. 43–55.
- Рудык Э.* (2013). Национализация, социализация, демократизация власти (к постановке проблемы) // *Альтернативы*, № 1, с. 92–100
- Рязанов В.Т.* (2015). Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // *Вопросы политической экономии*, № 1, с. 48–63.
- Славин Б.Ф., Аитова Г.Ш. (ред.)* (2015). Демократический левый проект: в поисках обновления. М.: Культурная революция, 320 с.
- Тапскотт Д., Вильямс Э.* (2009). Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: Best Business Books, 392 с.
- Тироль Ж.* (2000). Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. В 2 т. СПб.: Экономическая школа, т. 1 – 376 с., т. 2 – 456 с.
- Цаголов Н.А. (ред.)* (1973). Курс политической экономии, т. I. М.: Экономика, 831 с.
- Feller J., Fitzgerald B., Hissam S. and Lakhani K. (eds.)* (2007). Perspectives on Free and Open Source Software. Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 570 p.
- Fukuyama F.* (1995). Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free press Paperbacks, 480 p.
- Greider M.* (1997). One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 528 p.
- Jameson F.* (1991). Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 461 p.
- Kristof N.* (2011). Crony Capitalism Comes Home // *The N.Y. Times*, October 27, (http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).
- Mandel E.* (1975). Late capitalism. London: Humanities Press, 599 p.
- Ollman B.* (1976). Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Samuelson P. and Nordhaus W.* (1985). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Samuelson P. and Nordhaus W.* (2001). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Singh A. and Zammit A.* (2006). Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? // *Corporate Governance: an International Review*, vol. 14, no. 4, pp. 220–233.
- Stiglitz J.* (2002). Crony capitalism American-style // *Project Syndicate*, February (<http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>).
- Stiglitz J.* (2006a). Give Prizes Not Patents // *New Scientist*, Sept. 16, p. 21.
- Stiglitz J.E.* (2006b). Scrooge and Intellectual Property Rights: A Medical Prize Fund Could Improve the Financing of Drug Innovations // *British Medical Journal*, vol. 333, pp. 1279–1280. doi:10.1136/bmj.39048.428380.80.
- Wei Sh.-J.* (2001). Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // *International Finance*, no. 4, pp. 15–45.

REFERENCES

- Buzgalin A. (2015). Classical political economy: the way to universities. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 8–23. (In Russian.)
- Buzgalin A.V., Bulavka L.A. and Linke P. (eds.) (2011). Lenin online: 13 professors about V.I. Ulyanov-Lenin. Moscow: LENAND, 560 p. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014a). Russian economic system: Some of the results of “reforms”. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 8, pp. 8–19. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014b). Russian economic system: Specifics of the market and its corporate and government regulation. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 9, pp. 8–16. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014c). Russian economic system: Specifics of ownership relations and internal corporate governance. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 10, pp. 8–17. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2015a). Global capital. In 2 vols., vol. 1. Methodology: On the other side of positivism, postmodernism and economic imperialism (Marx reloaded). Moscow: LENAND Publ., 640 p. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2015b). Global capital. In 2 vols., vol. 2. Theory: The global hegemony of capital and its limits (“Capital” reloaded). Moscow: LENAND Publ., 912 p. (In Russian.)
- Buzgalin A., Kolganov A. and Shukhtin A. (1985). Becoming a planned organization of socialist production. Tomsk: Tomsk State University Publ., 209 p. (In Russian.)
- Buzgalin A., Traub-Merz R. and Voeykov M. (eds.) (2014). Income inequality and economic Growth: An exit strategy from the crisis. Moscow: Kul’turnaya Revolyutsiya, 406 p. (In Russian.)
- Bukreev V. and Rudyk E. (2005). Privatization in Russia: Past and thoughts, or Who is to blame and what to do? *Alternativy*, no. 2, pp. 112–129. (In Russian.)
- Bukreev V., Rudyk E. (2008). Is there a future state ownership (to the XX-th anniversary of the radical “restructuring”). *Alternativy*, no. 4, pp. 67–91. (In Russian.)
- Bukreev V. and Rudyk E. (2015). Imperative paradigm shift transformation of forms and property relations: possible alternatives. *Alternativy*, no. 2, pp. 72–104. (In Russian.)
- Bulavka L.A. (2013). Soviet culture as an ideal of the USSR. *Culture. Power. Socialism. The contradictions and challenges of cultural practices of the USSR*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2015). Soviet Culture: a vector of “razotchuzhdenie” (philosophical discourse). *Filosofiya khozyaystva*, no. 4, pp. 161–168. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2013). System economy as the platform of the development of modern economic theory. *Voprosy ekonomiki*, no. 6, pp. 4–28. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2015). The stability of the Russian economy in the mirror of system economic theory. Part 1. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 107–123. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2016). The stability of the Russian economy in the mirror of system economic theory. Part 2. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 117–138. (In Russian.)
- Klein N. (2003). No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies. Moscow: Dobraya Kniga, 624 p. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1972). About transitional forms under capitalism. *Vestnik of the Moscow State University. Ser. Ekonomika*, no. 1. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1978). The formation of socialist relations of production: Essays on the theory and methodology. Moscow: Moscow University Publ., 183 p. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1984). Formation of socialism and the “socialization of production in practice” (Preprint of the report). Moscow: Institute of Economics of the Academy of Sciences of SSSR. (In Russian.)

- Lenin V.I.* (1969). Imperialism, the Highest Stage of Capitalism / *Lenin V.I.* Full. cit. op., vol. 27. Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy Literaturny Publ. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu.* (2015). Ten classical principles of political-economic analysis. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 38–47. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu.* and *Brizhak O.V.* (2013). Modern corporation in the coordinates of the classical political economy. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4/3, pp. 5–9. (In Russian.)
- Marx K.* (1960). Capital, vol. I / *Marx K.* and *Engels F.* Works, vol. 23. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturny Publ. (In Russian.)
- Mezhuev V.M.* (2009). Socialism – space of culture. *Socialism-21. 14 texts of the Post-Soviet School of critical Marxism*. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya. (In Russian.)
- Musto M.* (2013). Once again, Marx's concept of alienation. *Alternativy*, no. 3, pp. 37–61. (In Russian.)
- Oleynik A.* (2011). Power and market. The system of social and economic domination of the Russian “zero” years. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya, 440 p. (In Russian.)
- Porokhovskiy A.A.* (2012). Political economy – the foundation and core of economic theory. *Ekonomist*, no. 1, pp. 61–73. (In Russian.)
- Porokhovskiy A.A.* (2014). Civilizational importance of political economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, no. 4, pp. 43–55. (In Russian.)
- Rudyk E.* (2013). Nationalization, socialization, democratization of power (to the problem). *Alternativy*, no. 1, pp. 92–100. (In Russian.)
- Ryazanov V.T.* (2015). Capitalism and Crises: The formation and development of political and economic approach. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 48–63. (In Russian.)
- Slavin B.F.* and *Aitova G.Sh.* (eds.) (2015). Democratic left project: In search of updates. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 320 p. (In Russian.)
- Tapscott D.* and *Williams A.* (2009). Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. Moscow: Best Business Books, 392 p. (In Russian.)
- Tirole J.* (2000). Markets and market power: The theory of industrial organization. In 2 vols. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ., vol. 1 – 376 p., vol. 2 – 456 p. (In Russian.)
- Tsagolov N.A.* (ed.). (1973). The course of political economy, vol. I. Moscow: Ekonomika Publ., 831 p. (In Russian.)
- Feller J., Fitzgerald B., Hissam S.* and *Lakhani K.* (eds.) (2007). Perspectives on Free and Open Source Software. Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 570 p.
- Fukuyama F.* (1995). Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free press Paperbacks, 480 p.
- Greider M.* (1997). One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 528 p.
- Jameson F.* (1991). Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 461 p.
- Kristof N.* (2011). Crony Capitalism Comes Home. *The N.Y. Times*, October 27, (http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).
- Mandel E.* (1975). Late capitalism. London: Humanities Press, 599 p.
- Ollman B.* (1976). Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Samuelson P.* and *Nordhaus W.* (1985). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Samuelson P.* and *Nordhaus W.* (2001). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Singh A.* and *Zammit A.* (2006). Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? *Corporate Governance: an International Review*, vol. 14, no. 4, pp. 220–233.

Stiglitz J. (2002). Crony capitalism American-style. *Project Syndicate*, February (<http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>).

Stiglitz J. (2006a). Give Prizes Not Patents. *New Scientist*, Sept. 16, p. 21.

Stiglitz J.E. (2006b). Scrooge and Intellectual Property Rights: A Medical Prize Fund Could Improve the Financing of Drug Innovations. *British Medical Journal*, vol. 333, pp. 1279–1280. doi:10.1136/bmj.39048.428380.80.

Wei Sh.-J. (2001). Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? *International Finance*, no. 4, pp. 15–45.